

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 1

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Agalarzade A. M.</i> A “Warrior's grave” in the south-eastern region of Azerbaijan: the Arvana kurgan	7
<i>Серегин Н. Н., Матренин С. С., Степанова Н. Ф.</i> Железные поясные пряжки у населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10)	26
<i>Тишин В. В., Нанзатов Б. З.</i> Древнетюркское t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: ложные и действительные параллели	49
<i>Жилина Н. В.</i> Погребальный и прижизненный убор в эпоху раннего Средневековья.....	62
<i>Кичигин Д. Е.</i> Погребение монгольского имперского периода в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия)	83
<i>Кузьмин Я. В., Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Марфина О. В., Помазанов Н. Н., Винникова В. Е., Емельянич О. А.</i> Первые данные по диете средневекового населения на территории Беларуси (по данным изотопного анализа углерода и азота в коллагене костей)	104

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Туркменские депутации на коронационных торжествах российских императоров	123
<i>Каменских М. С., Чернышева Ю. С.</i> Казахи в национальной политике Уральской области в 1930-е гг.	139
<i>Дубова Н. А., Кадырбекова Т. К., Никифоров М. Г.</i> Народные методы предсказания погоды в Кыргызстане и их анализ на основе современных данных	155

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Пелевина О. В.</i> Образ жизни и традиции русских в процессе формирования религиозного ландшафта дальневосточного порубежья (по материалам публикаций А. В. Кириллова)	178
<i>Дашковский П. К., Траудт Е. А.</i> Русская православная церковь в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг.: институты и практики в условиях советской вероисповедной политики «нового курса»	202
<i>Назарова Т. П., Иванов В. А.</i> Похоронный обряд и «архитектура смерти» в СССР в 1940–1950-е гг.	234
<i>Маркова Н. М., Аринин Е. И., Петросян Д. И., Матушанская Ю. Г., Волčkova О. О.</i> Студенческая религиозность: поиски комплаенса в поляризации коннотаций (по результатам социологического исследования во Владимире и Казани)	248
ДЛЯ АВТОРОВ	272

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, № 1

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Агаларзаде А. М.</i> «Могила война» в юго-восточной части Азербайджана: курган Арвана.....	7
<i>Seregin N. N., Matrenin S. S. Stepanova N. F.</i> Iron belt buckles among the population of the northern foothills of Altai in the era of the Turkic Khaganates (based on the materials of the necropolis Gorny-10).....	26
<i>Tishin V. V., Nanzatov B. Z.</i> Old Turkic t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: its false and real parallels	49
<i>Zhilina N. V.</i> , Burial and lifetime attire in the early Middle Ages.....	62
<i>Kichigin D. E.</i> Burial of the Mongol Imperial period in the Zhombolok river valley (Okinsky district of the Republic of Buryatia).....	83
<i>Kuzmin Y. V., Vasilyev S. V., Borutskaya S. B., Marfina V. U., Pomazanov N. N., Vinnikava V. Y., Emelyanchik V. A.</i> First data on diet of the medieval population of Belarus (based on carbon and nitrogen stable isotope analysis in bone collagen).....	104

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Atdaev S. J.</i> Turkmen deputations at the coronation celebrations of the Russian emperors.....	123
<i>Kamenskikh M. S., Chernysheva Yu. S.</i> Kazakh in the national policy of the Ural region in the 1930 ^s	139
<i>Dubova N. A., Kadyrbekova N. K., Nikiforov N. G.</i> Folk methods of weather forecasting in Kyrgyzstan and their analysis based on modern data	155

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Pelevina O. V.</i> Lifestyle and traditions of Russians in the process of forming the religious landscape of the Far Eastern borderland (based on publications by A. V. Kirillov)	178
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> The Russian Orthodox Church in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1953: institutions and practices under the soviet “new course” religious policy.....	202
<i>Nazarova T. P., Ivanov V. A.</i> The funeral rite and the “Architecture of Death” in the USSR in the late 1940 ^s –1950 ^s	234
<i>Markova N. M., Arinin E. I., Petrosyan D. I., Matushanskaya Yu. G., Volchkova O. O.</i> Student religiosity: the search for compliance in the polarization of connotations (based on the results of a sociological study in Vladimir and Kazan)	248

FOR AUTHORS	272
--------------------------	-----

УДК 316.7

DOI 10.14258/nreur(2026)1-13

Н. М. Маркова, Е. И. Аринин

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия)

Д. И. Петросян

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимирский филиал, Владимир (Россия),

Ю. Г. Матушанская, О. О. Волчкова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

СТУДЕНЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ПОИСКИ КОМПЛЕКСА В ПОЛЯРИЗАЦИИ КОННОТАЦИЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ВЛАДИМИРЕ И КАЗАНИ)

Целью исследования является анализ воспроизводящихся региональных особенностей согласия в понимании религии и религиозности у студентов, обучающихся во Владимире и Казани. Методика исследования 2025 г. включает организацию пилотного опроса студентов методом онлайн-анкетирования. Для отбора респондентов применялась квотная выборка. Ссылки на анкету рассылались студентам через старост групп с учетом статистических данных о долях обучающихся на гуманитарных, технических и естественно-научных направлениях. В качестве социально-демографических параметров выборки учитывались квоты по полу и возрасту респондентов. Опрос оценивал несоответствие нормам «правоверия», принятым в определенных традициях (юрисдикциях христиан или мусульман), но студенты имели возможность сами себя причислить к категориям «верующих» или «неверующих», при этом число первых составило около трети опрошенных (30,8%), а вторых оказалось несколько меньше (19,4%), тогда как почти половина не смогла определиться в этом вопросе, образуя группу «сомневающихся». Результаты показывают, что в студенческой среде сформировались три собирательных группы молодежи, которые заметно отличаются друг от друга в согласии с оценками как исторически сложившихся образов феномена религии, так и в ряде других аспектов, особенно в стремлении к поддержанию таких конституционных норм, как «свобода совести» и «свобода вероисповедания», уважению к науке, образовательной системе и преподавателям, позво-

ляющие активно и сознательно дистанцироваться от множества постоянно возникающих «суеверий» и т. н. «девиаций», включая проявления нетерпимости, экстремизма и ряда других нетерпимых социальные проявления.

Ключевые слова: религиозность, Россия, студенты, соответствие нормам, социология религии, религиоведение, Владимирская область, Республика Татарстан

Для цитирования:

Маркова Н. М., Аринин Е. И., Петросян Д. И., Матушанская Ю. Г., Волчкова О. О.

Студенческая религиозность: поиски комплаенса в поляризации коннотаций (по результатам социологического исследования во Владимире и Казани) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 248–271. DOI 10.14258/nreur(2026)1–13

Маркова Наталья Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** natmarkova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

Аринин Евгений Игоревич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** eiarinin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

Петросян Дмитрий Ильич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, (Россия); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимирский филиал, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** ilyich87@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7356-8604>

Матушанская Юлия Григорьевна, доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета. **Адрес для контактов:** jgm2007@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9950-5866>

Волчкова Ольга Олеговна, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета. **Адрес для контактов:** adelaida389@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9430-0415>

N. M. Markova, E. I. Arinin

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia)

D. I. Petrosyan

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia);
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vladimir Branch, Vladimir (Russia)*

Yu. G. Matushanskaya, O. O. Volchkova

Kazan Federal University, Kazan (Russia)

STUDENT RELIGIOSITY: THE SEARCH FOR COMPLIANCE IN THE POLARIZATION OF CONNOTATIONS (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY IN VLADIMIR AND KAZAN)

The aim of the study is to analyze reproducible regional features of agreement in understanding religion and religiosity among students studying in Vladimir and Kazan. The methodology of the 2025 study includes organizing a pilot survey of students using an online questionnaire. Quota sampling was used to select respondents. Links to the questionnaire were sent to students through group leaders, taking into account statistical data on the proportion of students in the humanities, technical and natural sciences. The socio-demographic parameters of the sample included quotas for the gender and age of respondents. The survey assessed non-compliance with the norms of “orthodoxy” accepted in certain traditions (Christian or Muslim jurisdictions), but students had the opportunity to classify themselves as “believers” or “non-believers”, with the former accounting for about a third of respondents (30.8%), and the latter being slightly less (19.4%), while almost half could not decide on this issue, forming a group of “doubters”. The results show that three collective groups of young people have formed in the student environment, which differ significantly from each other in their assessments of both historically established images of the phenomenon of religion and in a number of other aspects, especially in the desire to support such constitutional norms as “freedom of conscience” and “freedom of religion”, respect for science, the educational system and teachers, allowing them to actively and consciously distance themselves from the many constantly emerging “superstitions” and so-called “deviations”, including manifestations of intolerance, extremism and a number of other intolerant social manifestations.

Keywords: religiosity, Russia, students, compliance, sociology of religion, religious studies, Vladimir region, Republic of Tatarstan

For citation:

Markova N. M., Arinin E. I., Petrosyan D. I., Matushanskaya Yu. G., Volchkova O. O. Student religiosity: the search for compliance in the polarization of connotations (based on the results of a sociological study in Vladimir and Kazan). *Nations and religions of Eurasia*. 2026. T. 31, № 1. P. 248–271. DOI 10.14258/nreur(2026)1–13

Markova Natalia Mikhailovna, candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia). **Contact address:** natmarkova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

Arinin Evgeniy Igorevich, doctor of philosophical Sciences, the Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia). **Contact address:** earinin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

Petrosyan Dmitry Ilyich, candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Sociology, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia); Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir Branch, Vladimir (Russia). **Contact address:** ilyich87@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7356-8604>

Matushanskaya Yulia Grigorievna, doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University, Kazan (Russia). **Contact address:** jgm2007@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9950-5866>

Volchkova Olga Olegovna, candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University, Kazan (Russia). **Contact address:** adelaida389@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9430-0415>

Введение

Многолетние социологические исследования показывают, что в России большая часть населения относит себя к православию», при этом в обществе был зафиксирован «проправославный консенсус», когда выяснилось, что «„хорошо относятся” к православию не только верующие, но и подавляющее большинство тех, кто идентифицирует себя как „колеблющиеся”, „неверующие” и даже „атеисты”» [Новые церкви..., 2007: 20–22].

В этой связи важно обратиться к тому, что считается «религиозностью», которую мы опишем, ссылаясь на другой известный электронный ресурс Российской академии наук — «Национальный корпус русского языка», который показывает, что, хотя это слово фиксируется в текстах этой базы только с XIX в., однако ряд его синонимов присутствуют в текстах последних 1000 лет в качестве слов «вѣра», «благочестие», «почитание» и т. п. В нашем исследовании мы уточняем, какие именно представления ассоциируются у студентов со словами «религия», «религиозность» и их производными.

Подходы к исследованию российской студенческой религиозности

Студенчество, активно изучаемое отечественными социологами в последние три десятилетия, представляет собой особую социальную группу россиян, представители которой в ближайшем будущем войдут в образовательную, производственную, научную и управленческую элиту нашей страны. В этом контексте важно исследовать различные представления о ценностях, включая связанные с религией, которые вызывают как согласие (комплаенс) в этой категории респондентов, так и их активное неприятие. Религиозность авторами статьи понимается как та или иная «причастность к религии», при этом под религией, рассматриваемой с религиозоведческих позиций, будет пониматься все многообразие практик и учений не только различных известных конфессий и традиций, но и особых форм, часто на бытовом уровне и в СМИ относимых к маргинальным, поскольку в истории они не считались «достойным правоверием», но квалифицировались как «суеверия», «схизмы» и тому подобные проявления «зловѣрия». Отношение к ним могло радикально меняться, как, к примеру, к старообрядчеству, которое в истории описывалось в спектре от нетерпимых «раскольщиков» и «мятежников против церкви» до уважаемых сегодня «хранителей древлего благочестия».

Религиоведческие кафедры Владимирского государственного университета (далее — ВГУ) и Казанского (Приволжского) федерального университета (далее — КФУ) уже более 10 лет имеют опыт сотрудничества по проектам, получившим поддержку грантов Министерства образования РФ, РГНФ, РФФИ и РНФ. Эти два региона находятся в центре нашего внимания, так как опросы, проводимые здесь, позволяют сравнить религиозную ориентацию как молодых приверженцев православия, традиционно составляющих большинство во Владимирской области (далее — ВО), так и студентов, причисляющих себя к исламу, представленных значительной долей в Республике Татарстан (далее — РТ). Новые исследования, результаты которых частично приводятся в данной статье, представляют материалы социологического опроса студентов с целью определения основных особенностей их религиозной самоидентификации и понимания ими ряда базовых религиоведческих терминов.

Религиозность с научных позиций проявляет себя в двух базовых вариантах, таких как: (1) причастность к формам религиозно-конфессиональной идентичности (юрисдикциям, сообществам «верующих», «братствам», «согласиям», «религиозным объединениям» и тому подобным реальным социальным общностям), сложившаяся и самовоспроизводящаяся в определенной локальной культуре двух регионов, или (2) переживание универсального интереса к «таинственному» (неизвестному), выступающему как антропологическая особенность любого человека. Респонденты не оценивались на соответствие нормам «правоверия» с позиций определенных религиозно-конфессиональных традиций (юрисдикций), но имели возможность сами себя причислить к категориям «верующих» или «неверующих», при этом число первых составило около трети опрошенных (158 чел., или 30,8% от общего числа опрошенных), а вторых оказалось меньше (99 чел., или 19,4% от общего числа опрошенных), тогда как почти половина не смогла определиться в этом вопросе, образуя группу, которую мы квалифи-

цировали как «сомневающиеся». Таким образом сформировались три собирательные группы молодежи, которые, как оказалось, заметно отличаются друг от друга в согласии с оценками как исторически сложившихся образов феномена религии, так и в ряде других аспектов.

Опрос этого года продолжил социологические исследования, начатые И. Н. Яблочкиным и А. И. Ивановым во Владимире в 1988 г. [Иванов, 1988]. В последующие годы их проводили сотрудники кафедры философии и религиоведения ВлГУ [Аринин, Петросян, 2016]. Исследование 2024–2025 гг. фокусировалось на разных аспектах согласия (комплаенса) молодежи с сохранением в культурной памяти как образов исторических представлений о том, что следует именовать «религией», так и о перспективах межконфессионального диалога, проблемах понимания свободы совести и веротерпимости в студенческой среде, отношении студентов к волшебству, сказкам и тому подобным особым формам миропонимания. Материалы исследований 2024 г. уже опубликованы [Феномен..., 2024: 276–310].

В последние годы появился целый ряд перспективных исследований религиозной социализации, выявляющих «связь религиозности с нормами и ценностями», при этом отмечено, что «религиозность населения, измеряемая чаще всего с помощью вопросов о вере в Бога или частоте посещения религиозных служб, не оказывает влияния на нормы, ценности и поведение людей...» [Пруцкова, 2024: 10]. Другие авторы показывают, что в академических изданиях «само понятие „ценность“ может быть как позитивно, так негативно и даже нейтрально коннотированным», при этом «религиозная, как и национальная, принадлежность для студентов не является ... решающей в выборе друзей», свидетельствуя об «отсутствии активного интереса к религиозной и национальной проблематике», хотя такие понятия, как «религия», «религиозные традиции», «свобода совести» и «толерантность», вызывают у большей части респондентов «позитивные ассоциации» [Элбакян, Кравчук, 2024: 176, 183, 185].

Методика, параметры выборки и самоидентификация респондентов

Методика исследования 2025 г. включает организацию пилотного опроса студентов методом онлайн-анкетирования. Для отбора респондентов применялась квотная выборка. Ссылки на анкету рассылались студентам через старост групп с учетом статистических данных о долях обучающихся на гуманитарных, технических и естественно-научных направлениях. В качестве социально-демографических параметров выборки учитывались квоты по полу и возрасту студентов. Точные параметры приведены в таблице. Всего были опрошены 514 человек, в том числе: из Владимирской области— 212 человек, а из Республики Татарстан — 302, список организаций не изменился в сравнении с 2024 г. [Феномен..., 2024: 256]. Анкета этого года включала в себя 22 вопроса, сам опрос проводился в мае 2025 г. Выбранные два региона России уже более 10 лет находятся в центре нашего внимания, так как опросы, проводимые здесь, позволяют сравнить религиозную ориентацию как приверженцев православия, традиционно составляющих большинство в ВО, так и студентов, причисляющих себя к исламу, представленных значительной долей среди респондентов в РТ.

Подробная структура выборки представлена в таблице.

Параметры выборки Sample parameters

	В среднем	Регион	
		Владимирская область	Республика Татарстан
1. Пол респондентов			
Мужчины	47,3	34,4	56,3
Женщины	52,7	65,6	43,8
2. Возраст респондентов			
16–18 лет	36,8	35,8	37,5
19–20 лет	42,4	46,2	39,8
Старше 20 лет	20,7	17,9	22,7
3. Форма обучения			
Очное	94,6	93,9	95,1
Очно-заочное	4,8	5,2	4,6
Заочное	0,6	0,9	0,3
4. Место жительства			
В областном или республиканском центре	61,7	71,2	55,0
В другом городе субъекта Федерации	28,2	20,3	33,9
В сельской местности	11,1	8,5	11,2

В ходе исследования мы традиционно спрашиваем студентов о том, считают ли они себя верующими или неверующими, отказываясь от советских моделей, где граждане с 1929 г. были разделены на «верующих граждан всех культов» (тех, кто верил в «существование Бога») и тех, кто был «беззаветно верен идеалам построения коммунизма» [Аринин, 2017: 48]. Сегодня мы предлагаем эту самоидентификацию оставлять на выбор самих респондентов. Соотношение между выбравшими эти два варианта составило 30,8% «верующих» против 15,3% «неверующих».

Долю последних мы обычно увеличиваем за счет тех, кто предпочел другие варианты ответов [Феномен..., 2024: 259–260]. Таким образом, при общем анализе мы сравниваем ответы трех групп студентов с различным отношением к вере: «верующие» — в целом 30,8% (ВО — 24,1%; РТ — 35,5%), «неверующие» — 19,4% (ВО — 23,1%; РТ — 16,8%) и «сомневающиеся» — 49,8% (ВО — 52,8%; РТ — 47,7%). Нетрудно заметить, что студенты РТ оценили свой уровень религиозности чуть выше, чем их сверстники из ВО.

Религиозную самоидентификацию мы выявляем также с помощью вопроса о связывании студентами себя с той или иной конфессией или религией. Как видно на рисунке 1, почти три четверти опрошенных (72%) показали подобную связь. Оставшаяся четверть либо ответили, что не исповедуют никакой религии (26,2%), либо затруднились с ответом (1,7%).

Неудивительно, что во Владимирской области большинство назвали себя приверженцами православного христианства (60,8%), а в Татарстане треть опрошенных выбрали ислам (33,9% против 0,9% в ВО). Однако православных среди студентов Респуб-

лики Татарстан оказалось не меньше, чем мусульман (32,3%). В среднем в выборке оказалось 44,2% православных и 20,3% мусульман.

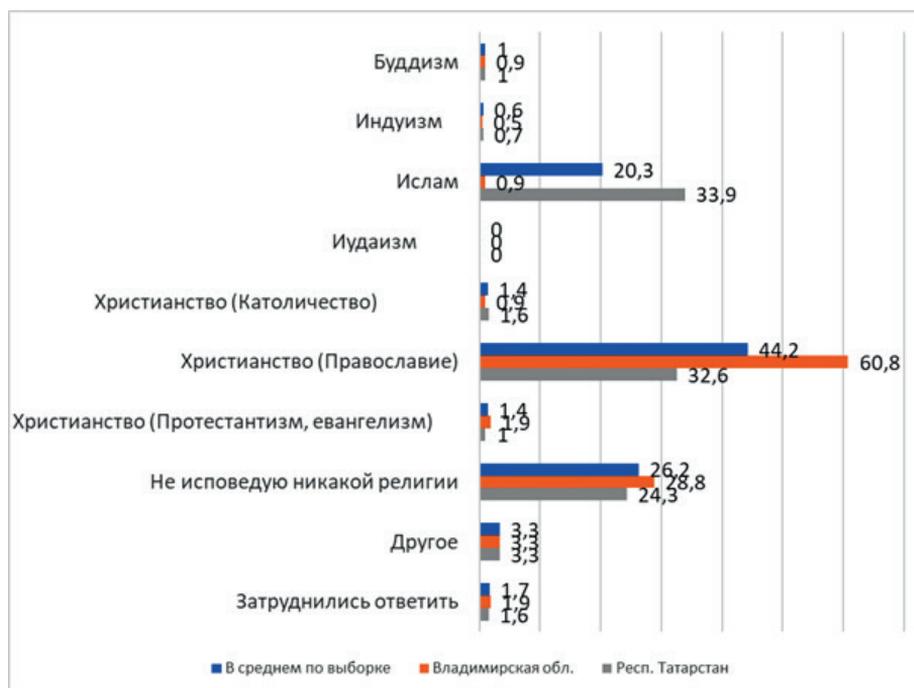

Рис. 1. К какой конфессии относят себя студенты, процент от числа опрошенных

Fig. 1. What religion do students identify with, % of respondents

Другие религии и конфессии, такие как буддизм, индуизм, католичество, протестантизм и т. п., выбрали лишь единицы ответивших на вопрос. Доля тех, кто не исповедует никакой религии, оказалась чуть более заметной во Владимирской области, однако отличие от Республики Татарстан незначительно (28,8% против 24,3%).

Традиционно обратим внимание на то, что доля связывающих себя с той или иной конфессией/религией значительно превосходит долю «верующих». К тому же отметим, что даже среди «неверующих» обнаруживаются 11% «православных», 6% мусульман и по 1% буддистов, католиков и протестантов (рис. 2). Это, безусловно, является следствием того, что для многих связь с определенной конфессией является проявлением не столько собственно религиозных, сколько социокультурных ориентаций, отражающих причисление себя к общепринятой культуре большинства.

Еще одним критерием уровня религиозности студентов в нашем исследовании выступает вера в загробную жизнь (рис. 3).

О том, что этот уровень невысок, говорит тот факт, что безоговорочно уверенность в возможности встретиться после своей смерти с умершими родственниками и друзьями высказал лишь каждый пятый респондент (21,1%).

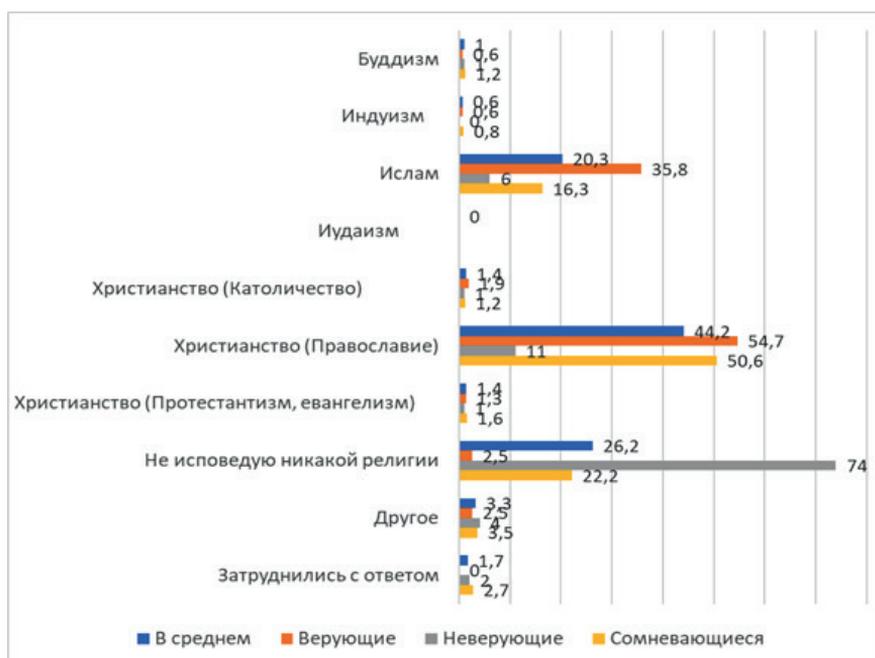

Рис. 2. К какой конфессии относят себя респонденты в зависимости от религиозной самоидентификации, процент от числа опрошенных

Fig. 2. Which confession do respondents identify themselves with, depending on religious self-identification, % of the number of respondents

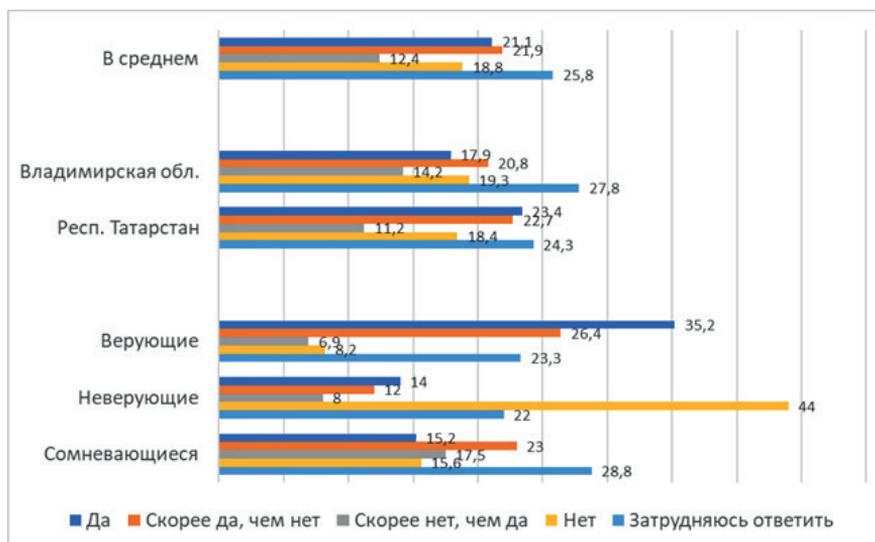

Рис. 3. Верят ли студенты, что после смерти встретятся с умершими родственниками и друзьями, процент от числа опрошенных

Fig. 3. Do students believe that they will meet with deceased relatives and friends after death, % of respondents

Столько же указали, что скорее верят в подобное, чем нет (21,9%). Однозначное неверие в возможность загробных контактов с близкими выразили 18,8% опрошенных студентов, а неверие с определенными оговорками — 12,4%. Таким образом, студенты разделились в этом вопросе на две почти равные части, о чем свидетельствует и общий «индекс веры в загробную жизнь», который оказался практически равным нулю (+0,07). Используя здесь и далее при анализе индексы рассчитаны по формуле:

$$I = (A + 0,5B) - (0,5C - D) / E,$$

где A — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Полностью согласен», B — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Скорее согласен», C — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Скорее не согласен», D — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Полностью не согласен» и E — количество ответивших на вопрос. Таким образом, значение индекса всегда находится в интервале от +1 (все согласны) до -1 (все не согласны). Чем выше номинал индекса, тем выше уровень согласия или несогласия респондентов.

Как видно на рис. 4, в Республике Татарстан студентов, в той или иной мере верящих в загробную жизнь, оказалось чуть больше, чем во Владимирской области (0,11 против 0,02). Девушки в этом вопросе отличаются от юношей. Среди первых — чуть больше верящих в загробную жизнь (0,18), в то время как среди вторых, наоборот, чуть больше не верящих в нее (-0,05).

Как и следовало ожидать, студенты, определившие себя как «верующие» и «неверующие», разошлись в данном вопросе по разным полюсам. «Верующие» чаще все же верят в загробную жизнь (+0,37), а «неверующие» — нет (-0,28). Показатель «сомневающихся» равен среднему по выборке (+0,02).

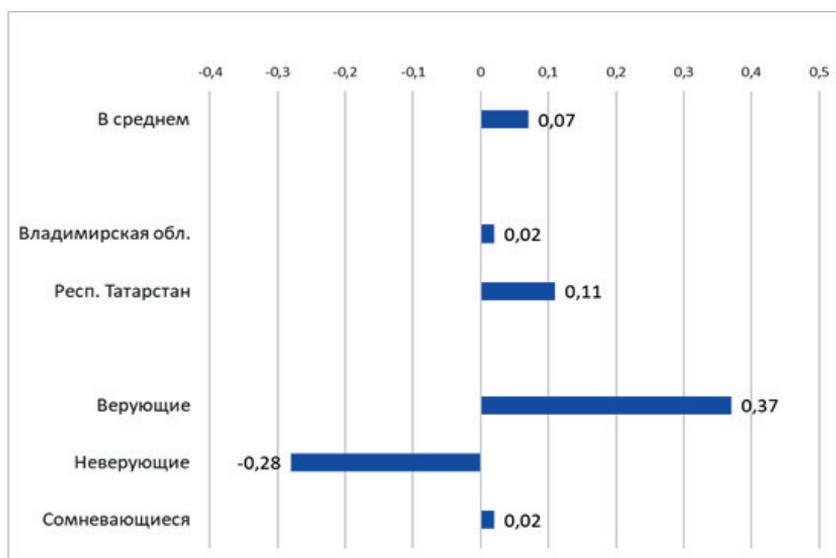

Рис. 4. Уровень веры в загробную жизнь (индекс)

Fig. 4. Level of belief in the afterlife (index)

Однако даже среди «верующих» полностью уверенные в загробной жизни составили лишь треть от всей группы (35,2%). Остальные все же испытывают те или иные сомнения в возможности жизни после смерти.

Интересно, что в данном вопросе нет заметных отличий между приверженцами ислама и православия. Среди мусульман полностью уверенные в возможности встретиться после смерти с умершими родственниками составили 27,6%, скорее верящие — 21%, а среди православных подобные доли составили 25% и 27,6% (индексы +0,21 и +0,22, соответственно) [Феномен..., 2024: 261–262].

Индекс религиозной терпимости сограждан

В целом, несмотря на позитивное отношение большей части студенчества как сограждан к вопросам веры, даже вербальный уровень религиозности, если ее понимать в терминах XIX в. («твердости в вѣре» как особой и признанной государством юрисдикции), вряд ли может считаться высоким. Возможно, отсутствие у большинства студентов глубоких религиозных убеждений, влияющих на их повседневную жизнь, является одной из причин весьма позитивного отношения студентов к людям иных религиозных взглядов. В той или иной степени положительное отношение к подобным людям высказали почти четыре пятых от общего числа опрошенных (79%). В итоге общий индекс религиозной терпимости составил +0,62 (рис. 5) Интересно, что у «верующих» подобный индекс оказался намного выше, чем у «неверующих»: +0,75 против +0,38. Правда, подобный результат связан во многом с тем, что «неверующие», не имеющие собственных религиозно-конфессиональных взглядов, часто затрудняются с ответом на данный вопрос (29% против 6% среди «верующих»).

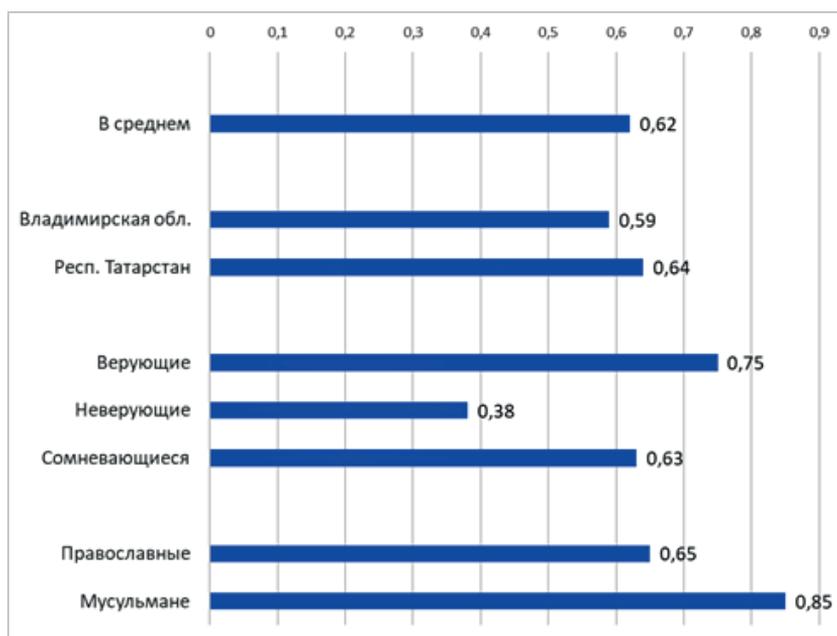

Рис. 5. Уровень религиозной терпимости студентов (индекс)

Fig. 5. Level of religious tolerance of students (index)

Высоким индексом терпимости отличаются как православные, так и мусульмане. Интересно, однако, что у вторых этот показатель выражен более ярко, чем у первых (0,85 против 0,65).

Описывая уровень религиозной терпимости студентов, подчеркнем и распределение ответов на вопрос о разных формах отношения к тем, кого принято называть «еретиками», «сектантами» и «врагами религии». Половина опрошенных студентов безоговорочно поддержали точку зрения о праве каждого на свободу совести и убеждений, а по всем спорным вопросам, в конце концов, всегда можно достичь согласия (50,2%). Еще каждый пятый указал, что «скорее соглашается с такой точкой зрения, чем нет» (21,5%). Несогласие со свободой совести высказали лишь 6,6% ответивших на вопрос. Общий индекс согласия с правом на свободу убеждения оказался довольно высоким и составил +0,57, причем в равной степени позитивным он оказался как во Владимирской области (+0,58), так и в Республике Татарстан (+0,56).

При этом среди студентов оказалось крайне мало тех, кто «никогда не хочет дружить с „еретиками“, „сектантами“ и „врагами религии“» (в сумме — 15% против 45% не согласных с подобным типом поведения; индекс — -0,28) или «не хочет жить рядом» с такими людьми (16% против 43%; индекс — -0,26).

Совершенно не вызвала поддержки со стороны студентов идея «запретить тех, кого называют „еретиками“, „сектантами“, „врагами религии“ законом, а их приверженцев — арестовать и изолировать от общества». Согласны с внедрением таких мер лишь 12% опрошенных, а не согласны — 50% (индекс — -0,34).

В какой степени студенты согласны или не согласны со следующими высказываниями?

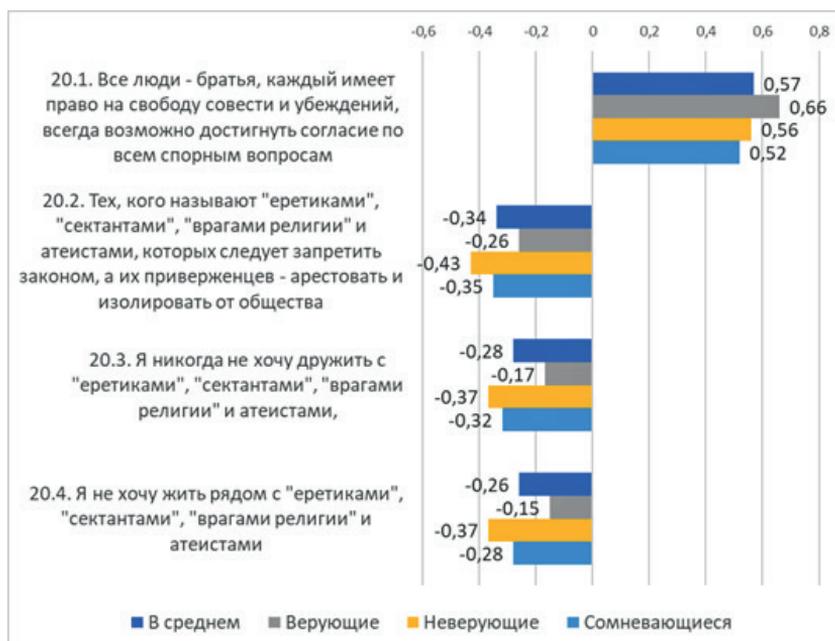

Рис. 6. Уровень согласия или несогласия с высказываниями (индекс)

Fig. 6. Level of agreement or disagreement with statements (index)

Среди «неверующих» неприятие остракизма по отношению к «сектантам» и «еретикам», а тем более желание юридического преследования их выражено гораздо заметнее, чем среди «верующих», однако и последние настроены в этом вопросе довольно терпимо и в целом отвергают подобные предложения (рис. 6):

- не жить рядом — $-0,37$ у «неверующих» и $-0,15$ у «верующих»;
- никогда не дружить — $-0,37$ и $-0,17$;
- запретить законом, арестовывать и изолировать — $-0,43$ и $-0,26$.

Исследование показало довольно позитивное отношение студентов и к тем, кого называют «верующими людьми». Этому понятию, с точки зрения респондентов, соответствуют прежде всего люди, «живущие по совести и доброй воле». Полное согласие с подобным определением высказал каждый четвертый студент (23,3%), а еще одна четверть оказались скорее согласными, чем нет (25%). Полностью несогласные составили 10,3% опрошенных, а частично — 7,6% (индекс согласия — $+0,22$).

Наиболее низким индексом согласия характеризуется представление о верующих как о «людях суеверных и невежественных» ($-0,35$). Не вызывают поддержки со стороны студентов и мнения о верующих как о «людях, живущих „на своей волне“, далеких от запросов и интересов повседневной жизни» ($-0,23$) и как о «фанатичных последователях своей религии» ($-0,17$). Однако и с мнением, что верующие люди — это «те, кто будет спасен для жизни вечной», студенты также в основном не согласны ($-0,15$). Тем не менее именно в отношении к данной трактовке мнения «верующих» и «неверующих» студентов разошлись принципиально. Среди первых все же преобладают те, кто согласен с подобным пониманием сущности верующего человека ($+0,14$), вторые же как раз с подобным определением не соглашаются чаще всего ($-0,43$). Отметим также, что «верующие» чаще всего отвергают трактовку, связанную с суеверием и невежеством ($-0,52$), и чаще всего поддерживают нравственную трактовку веры как жизни по совести и доброй воле ($+0,53$). «Неверующие» в целом также разделяют эти мнения, но их согласие или несогласие выражено менее ярко.

Таким образом, студенты отличаются довольно высоким уровнем религиозной терпимости.

Оценка феномена религии

Отношение студентов к феномену религии оценивалось в ходе исследования по степени согласия или несогласия с отдельными его трактовками, сформировавшимися в истории (рис. 7). Древнейшей из таких формулировок была коннотация в текстах Плавта (Titus Maccius Plautus, ок. 254–184 г. до н. э.) между религиозностью и «зловещим» (страшные предзнаменования и запретные места), которая только во времена Цицерона (Marcus Tullius Cicero, 106–43 гг. до н. э.) начинает пониматься как возвышенное «почитание божественного порядка», последнее в ветхозаветных Псалмах начинает коннотировать с почитанием «Бога Вышнего», а в церковной традиции христиан — с «Троицей». Религиоведение, как светская традиция научного изучения вероисповеданий, предлагает свои трактовки своего объекта, вплоть до сатирического «опиума для народа» (Остап Бендер) или академически описываемых «веры определенной юрисдикции» (конфессии, братства и т. п.) и антропологического «надзирания за неизвестным».

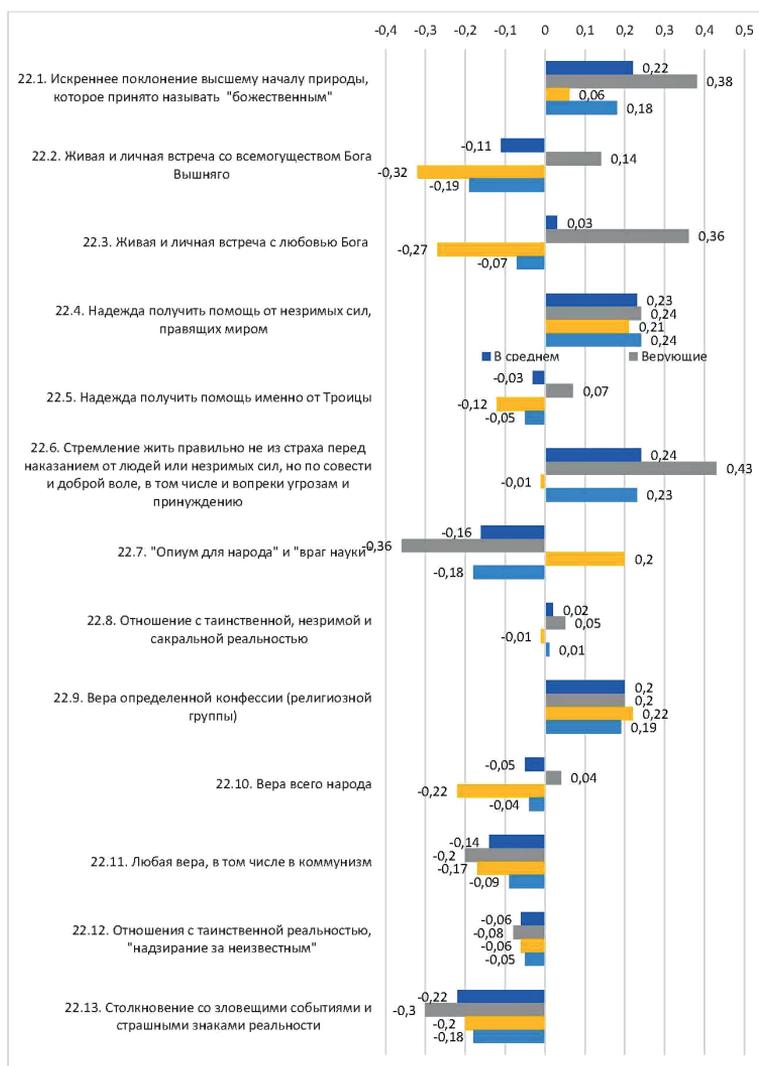

Рис. 7. Уровень согласия или несогласия студентов с определениями религии (индекс)
 Fig. 7. Level of students' agreement or disagreement with definitions of religion (index)

Как видим, в представлениях студентов переплетаются историко-региональные, конфессиональные и антропологические представления о религии. В целом позитивные или нейтральные трактовки, пожалуй, чаще вызывают согласие у студентов.

В данном вопросе практически отсутствуют региональные отличия. А вот разница в отношении к религии со стороны «верующих» и «неверующих» студентов весьма показательна. Довольно яркое противостояние двух групп проявляется в оценке большого числа определений религии. Получается, что студенты, назвавшие себя «верующими», воспринимают религию прежде всего как феномен, связанный с личными переживаниями от встречи с высшими силами, а также как нечто побуждающее вести

праведную жизнь по законам морали. Для «неверующих» подобные личностно-нравственные трактовки религии оказались наименее приемлемыми.

Оценка феномена магии (колдовства и т. п.)

В ходе исследования анализировались не только представления студентов о религии, но и их отношение к бытующим в обществе взглядам на различные мистические и маргинальные явления, такие как колдовство, гадания, магия, «помощь Халявы» и т. п.

В целом возможность существования различных проявлений мистического и сверхъестественного вызывает у студентов заметный скепсис. Тем не менее среди респондентов находятся те, кто утверждает, что лично сталкивались с колдовством и магией (12,4%), сами умеют гадать и периодически это делают (6,4%), а также лично сталкивались с фактом сбывшихся предсказаний (16,3%). Большинство студентов, однако, все это отрицает.

Оценивая приведенные в анкете высказывания о колдовстве, гадании и магии, студенты проявили высокий уровень поддержки следующих, вполне рациональных точек зрения:

- Колдовство, гадание и магия — это устаревшие формы отношения человека к миру, постепенно вытесняемые наукой и техникой как сказки и суеверия — индекс согласия +0,27.
- Колдовство, гадание и магия — это древние способы отношения к миру, присутствующие в любом обществе и сознании каждого индивида — +0,22.

При этом студенты явно отвергают идею о том, что «колдовство, гадание и магия должны быть запрещены законом, а их приверженцы арестованы и изолированы от общества» (-0,47).

В то же время в отношении высказывания «колдовство, гадание и магия существуют только в воображении, сказках, литературе, кино и СМИ, их нет в действительности» студенты разделились на две равные части, доля согласных с этим практически равна доле несогласных (+0,05).

Оценивая взаимосвязь колдовства, магии и гадания с религией, студенты чаще соглашались с тем, что «колдовство, гадание и магия — это суеверия, а не религия, так как все религии их запрещают (+0,14). Однако и точка зрения, что «колдовство, гадание и магия — это древние формы религии, отмирающие и забываемые со временем», также находит больше сторонников, чем противников (+0,09). А вот мнение, что «колдовство, гадание и магия — это бесовщина, гибельная для души каждого человека, спассти которую может только религия», поддерживается меньшинством студентов (-0,12).

Таким образом, студенты довольно рационально оценивают вероятность присутствия в реальной жизни сверхъестественных проявлений. Что касается взаимосвязи колдовства и магии с религией, у студентов нет четко выраженных представлений. Отметим и высокую долю затруднившихся с оценкой данных высказываний (в среднем 30%).

Значительные региональные отличия в этом вопросе отсутствуют. А вот религиозная самоидентификация сказывается (рис. 8). «Неверующие» студенты относятся к сверхъестественному более рационально, чем «верующие». Они чаще соглашались с тем, что:

- колдовство, гадание и магия существуют только в воображении, сказках, литературе, кино и СМИ, их нет в действительности (+0,25 против -0,03 у «верующих»);

- колдовство, гадание и магия — это устаревшие формы отношения человека к миру, постепенно вытесняемые наукой и техникой как сказки и суеверия, — +0,42 против +0,14.

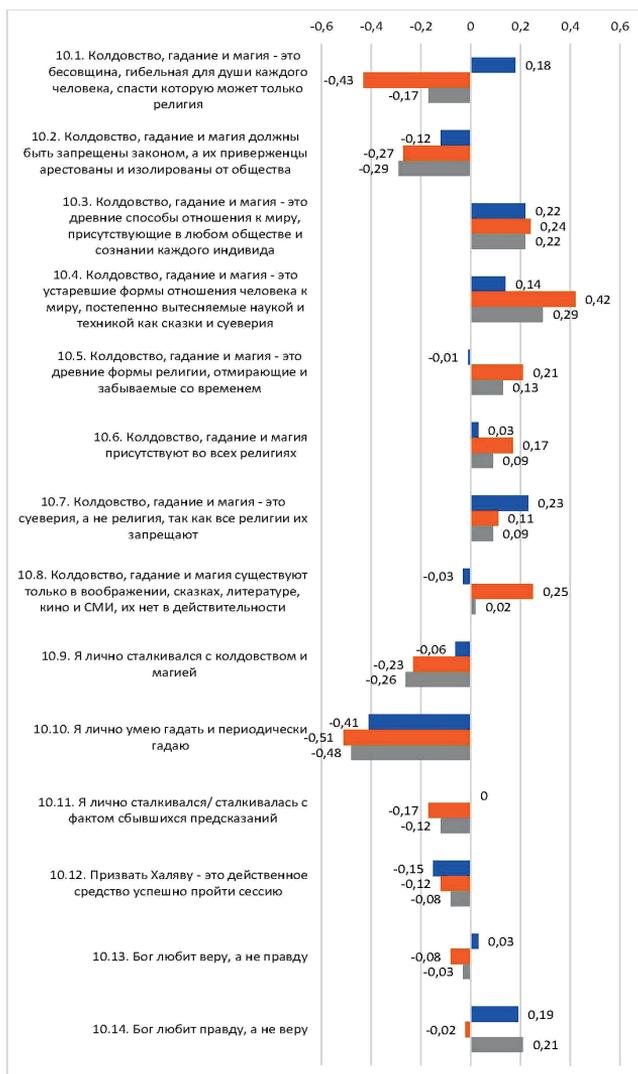

Рис. 8. В какой мере студенты согласны или не согласны со следующими утверждениями в зависимости от религиозной самоидентификации (индекс)

Fig. 8. To what extent do students agree or disagree with the following statements depending on their religious self-identification (index)

К тому же «неверующие» чаще не видят отличий между колдовством и религией:

- колдовство, гадание и магия — это древние формы религии, отмирающие и забываемые со временем, — +0,21 против -0,01 у «верующих»;

• колдовство, гадание и магия присутствуют во всех религиях (+0,17 против +0,03). «Верующие», напротив, чаще разделяют религиозное и магическое, считая, что колдовство, гадание и магия — это суеверия, а не религия, так как все религии их запрещают (+0,23 против +0,11 у «неверующих»).

Отметим также, что среди «верующих» оказалось больше тех, кто считает колдовство, гадание и магию бесовщиной, гибельной для души каждого человека, спасти которую может только религия (+0,18). «Неверующие» явно отвергают подобную точку зрения (-0,43).

При этом в отношении идеи о введении запрета на колдовство, гадание и магию «верующие» и «неверующие» более единодушны. И те, и другие чаще не соглашались с этим (-0,12 у «верующих» и -0,27 у «неверующих»). В равной степени обе группы студентов не согласны с тем, что «призвать Халяву — это действенное средство успешно пройти сессию» (-0,15 у «верующих» и -0,12 у «неверующих»).

Другие исследования 2025 г. демонстрируют сенсационные данные, согласно которым почти все граждане страны, включая «неверующих», «желают владеть магией, как Гарри Поттер» [Соколова, <https://clck.ru/3RbdZW>]. При этом еще недавно (2019) утверждалось, что «россияне разочаровались в магии, гипнозе и гаданиях» [Опрос..., <https://golnk.ru/E8K7d>].

Студентам также предлагалось высказать свое отношение и к следующим известным альтернативным высказываниям (И. С. Пересветов, ок. 1549): «Бог любит веру, а не правду» и «Бог любит правду, а не веру» [Ерусалимский, 2011: 99]. Заметим, что более половины опрошенных затруднились с ответом (54,7% в случае с первым высказыванием и 52,9% в случае со вторым). Давшие ответ склонились к мнению самого известного отечественного публициста XVI столетия, что «Бог любит правду, а не веру» (+0,16). Противоположная точка зрения чуть чаще вызывает несогласие, хотя доли сторонников и противников практически равны (-0,02).

Особо отметим, что выбор Бога в пользу правды особенно часто представляется справедливым «верующим» студентам (+0,19 против -0,02 у «неверующих»). В отношении высказывания «Бог любит веру, а не правду» в обеих группах ответившие на вопрос разделились практически пополам, хотя «верующие» характеризуются положительным индексом, а «неверующие» — отрицательным (+0,03 и -0,08).

Студенты отмечают, что СМИ (включая интернет) оказывают влияние на восприятие обществом всего, что связано с чудом, волшебным и сверхъестественным (рис. 9). Треть опрошенных (33,3%) полностью подтверждают подобное влияние, а еще треть (30%) скорее замечают его, чем нет (индекс оценки — +0,36).

При этом студенты чаще склоняются к тому, что ограничивать информацию о чудесах, волшебном и сверхъестественном в СМИ не стоит (рис. 10). В пользу запрета высказались 11% однозначно и 16,9% с оговорками. Против ограничений выступило большинство студентов, 23,4% четко сказали: «нет», а 25,2% выбрали вариант ответа «скорее нет, чем да» (индекс -0,16). Владимирские студенты отвергают ограничения более последовательно, чем в Татарстане (-0,23 против -0,12). Больше противников запретов информации о волшебном и среди «верующих» в сравнении с «неверующими» (-0,20 против -0,07).

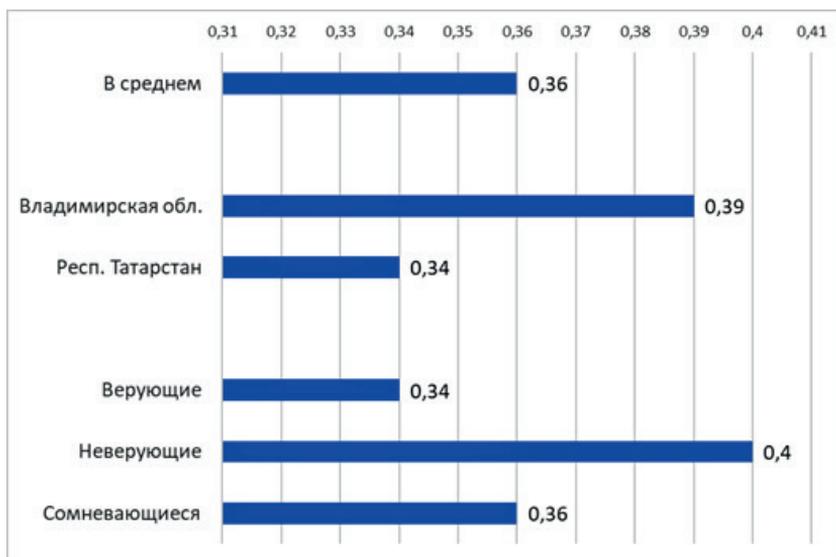

Рис. 9. Оценка уровня влияния современных СМИ (ТВ, интернет и т. п.) на отношение к чуду, волшебному и сверхъестественному в обществе (индекс)

Fig. 9. Assessment of the level of influence of modern media (TV, Internet, etc.) on the attitude towards miracles, magic and the supernatural in society (index)

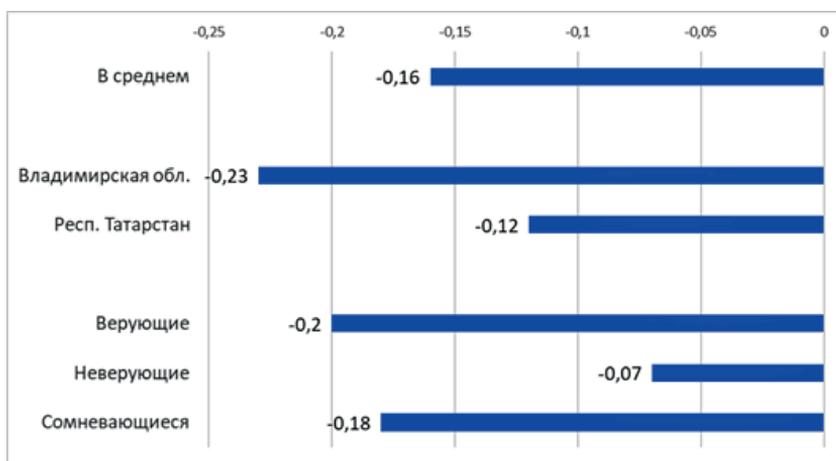

Рис. 10. Отношение студентов к идее ограничить информацию о чудесах, волшебном и сверхъестественном в СМИ (индекс)

Fig. 10. Students' attitudes towards the idea of limiting information about miracles, magic and the supernatural in the media (index)

В ходе исследования выяснялось, в какой степени студенты доверяют науке, целителям и экстрасенсам, священнослужителям и религиозным организациям, учебным заведениям и преподавателям вузов (рис. 11–14).

Результаты свидетельствуют об очень высоком уровне доверия науке (индекс составил +0,78; ВО — +0,76, РТ — +0,79). Всегда доверяют науке две трети опрошенных (67,6%), не всегда, но доверяют — еще четверть (24,4%).

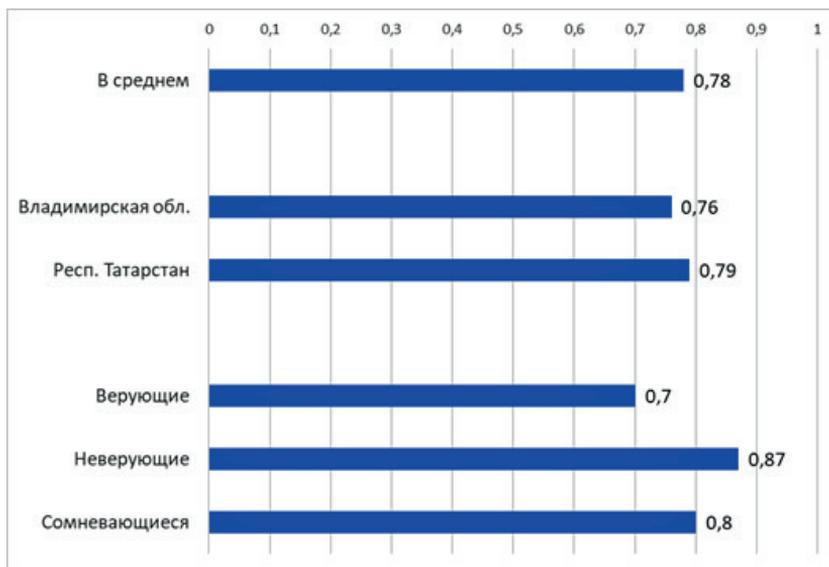

Рис. 11. Уровень доверия студентов науке (индекс)

Fig. 11. Students' level of trust in science (index)

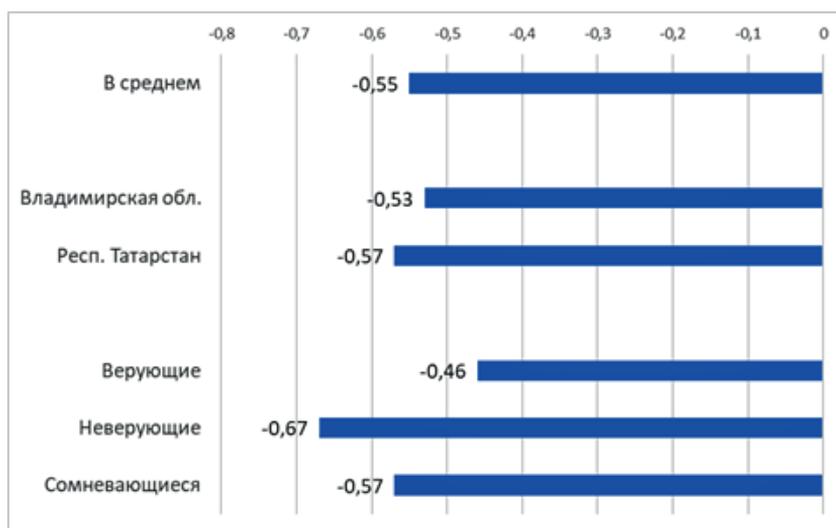

Рис. 12. Уровень доверия студентов целителям (экстрасенсам, эзотерикам и т. п.) (индекс)

Fig. 12. Level of students' trust in healers (psychics, esotericists, etc.) (index)

«Неверующие» характеризуются более высоким уровнем доверия к науке (+0,87), однако и среди «верующих» доверяющие науке составляют явное большинство (+0,70).

При оценке уровня доверия целителям (экстрасенсам, эзотерикам и т. п.) выявляется противоположная картина. Половина студентов ответили, что никогда не доверяют им (51,7%), а еще четверть — что доверяют редко (23,6%). Доверяющие оказались в явном меньшинстве: в сумме 12% при 12% затруднившихся с ответом (индекс — $-0,55$; ВО — $-0,53$, РТ — $-0,57$).

Не доверяют целителям ни «неверующие», ни «верующие» студенты, однако первые все же чаще ($-0,67$ и $-0,46$).

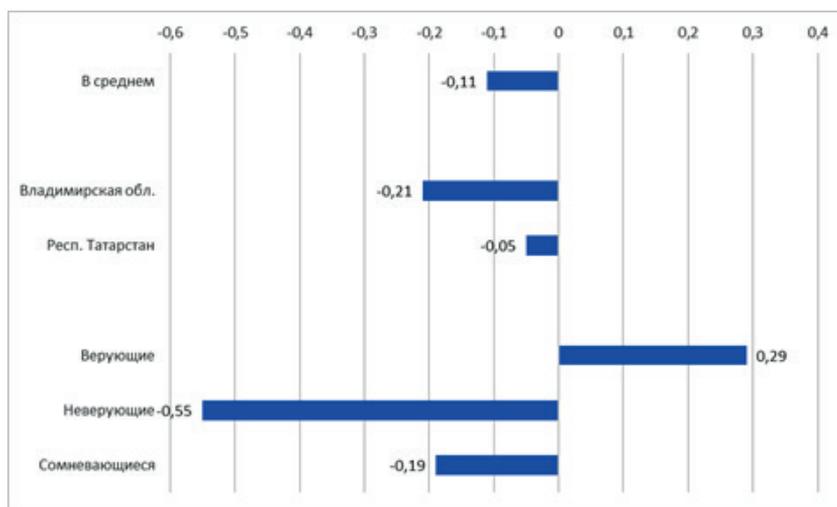

Рис. 13. Уровень доверия студентов религиозным организациям и духовенству (индекс)

Fig. 13. Level of students' trust in religious organizations and clergy (index)

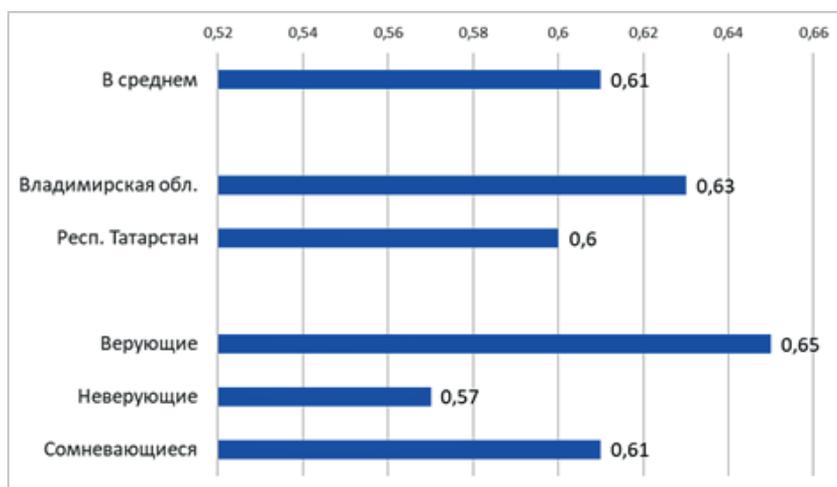

Рис. 14. Уровень доверия студентов учебным заведениям и преподавателям (индекс)

Fig. 14. Level of students' trust in educational institutions and teachers (index)

Сравнение уровня доверия студентов религиозным организациям и духовенству, с одной стороны, и учебным заведениям и преподавателям — с другой, показывает преимущество вторых над первыми.

Религиозным организациям и духовенству обычно доверяют 13,2% студентов, а никогда не доверяют 24,6%. Доли доверяющих не всегда или редко составили по 20,9%. В результате уровень доверия характеризуется негативным значением (-0,11). Отметим, что в данном случае владимирские студенты отличаются заметно более высоким уровнем недоверия, чем учащиеся из Республики Татарстан (-0,21 против -0,05).

Что касается «верующих» и «неверующих», то отличия здесь ожидаемы и очевидны. «Верующие» чаще доверяют религиозным организациям и духовенству, а «неверующие» — нет (+0,29 против -0,55).

Учебным же заведениям и преподавателям, наоборот, доверяет подавляющее большинство студентов: обычно доверяют 46,3%, не всегда, но доверяют — 39,3% (индекс — +0,61; ВО — +0,63, РТ — +0,60). Интересно, что «верующие» студенты и преподавателям доверяют чаще, чем «неверующие», хотя различия здесь крайне невелики (+0,65 и +0,57).

Выводы

Подводя итоги, отметим основные результаты. Понимание уровня религиозности, если его рассматривать с позиций интеграции и комплаенса (законного согласия) подходов социологии религии и философского религиоведения, будет, как это показал еще один из упоминавшихся выше «отцов-основоположников» этой науки М. Мюллер [Религия..., 1887: 11–12], различаться в двух планах: как (1) причастность личности к конкретной конфессиональной традиции, сложившейся в определенной локальной культуре, или как (2) «сама возможность исследовать бесконечное», выступая как универсальный интерес и антропологическая особенность любого человека. Все это сохраняется и в среде студентов владимирского региона и Татарстана: уровень религиозности, если его понимать согласно словарю В. И. Даля как «твердость в вере», т. е. преданность конкретной конфессиональной норме, по полученным результатам не может быть назван высоким [Даль, 1866: 81].

Однозначно назвавшие себя «верующими» составляют менее трети опрошенных (30,8%). Доля однозначно «неверующих» меньше, но не существенно (19,4%). Половина студентов относится к не определившимся в своем отношении к вере как определенному и подчеркивающему свою эксклюзивность учению конфессий и религий, т. е., выступая как «сомневающиеся». Тем не менее именно эта самоидентификация респондентов заметно влияет практически на все даваемые ими оценки. «Верующие» и «неверующие» заметно отличаются друг от друга как в оценке феномена религии, так и в отношении к верующим людям, в согласии или несогласии с высказываниями о колдовстве, гадании и магии, их связи с религией, в доверии и недоверии к религиозным организациям и к духовенству. «Сомневающиеся» обычно занимают промежуточную позицию, их оценки близки к средним по выборке.

Большинство студентов так или иначе связывают себя с той или иной конфессией (религией). В основном это православие (ВО) и ислам (РТ). Учитывая, что относящие себя к тому или иному вероисповеданию находятся даже среди «неверующих», мож-

но сделать вывод о том, что эта ориентация носит скорее социокультурный, чем собственно «вероисповедальный» характер, является следствием стремления причислить себя к уважаемому большинству.

Студентов отличает высокий уровень религиозной терпимости и гражданского согласия, выражаемый в позитивном отношении к людям иных религиозных взглядов, к верующим людям, в представлении о них как о живущих по совести и доброй воле, а не как о фанатиках и суеверных мракобесах. Студенты весьма рационально подходят к трактовкам феномена религии, демонстрируя при этом в целом положительное отношение к вере. Гадание, магия, целители и экстрасенсы, все волшебное и колдовское вызывает явный скепсис со стороны студентов, основанный на высоком уровне доверия к науке.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01105, <https://rscf.ru/projrct/24–28–01105/>

Acknowledgements and funding

The study was supported by a grant of Russian Science Foundation № 24–28–01105, <https://rscf.ru/projrct/24–28–01105/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аринин Е. И. Верующий // Энциклопедический словарь социологии религии. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 47–49.

Аринин Е. И., Маркова Н. М., Мартиросян В. С. Феномен религиозности писателя в контексте комплаенса и межкультурной коммуникации (философско-религиоведческий подход) // Концепт: философия, религия, культура. 2024. Т. 8, № 2. С. 111–135.

Аринин Е. И., Петросян Д. И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Типография Т. Рись, 1866. Ч. 4. 680 с.

Ерусалимский К. Ю. Греческая «вера», турецкая «правда», русское «царство»...: еще раз об Иване Пересветове и его проекте реформ // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 7. С. 87–104.

Иванов А. И. Социологический анализ религиозности в трудовом коллективе и задачи атеистического воспитания: автореферат дис. ... канд. филос. наук. М., 1988. 23 с.

Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. М.; СПб.: Летний сад, 2007. 247 с.

Опрос: россияне разочаровались в магии, гипнозе и гаданиях // NEWS.ru. URL: <https://golnk.ru/E8K7d> (дата обращения 13.08.2025).

Пруцкова Е. В. Религиозная социализация: связь религиозности с нормами и ценностями. М.: ПСТГУ, 2024. 256 с.

Религия как предмет сравнительного изучения: Лекции проф. Макса Мюллера. Харьков: Изд. переводчика, 1887. 143 с.

Соколова А. 96% россиян желают владеть магией, как Гарри Поттер // Новости Mail. URL: <https://clck.ru/3RbdZW> (дата обращения 13.08.2025).

Феномен «комплаенс»: религия, наука и вызовы современности: сб стат. Владимир: Изд-во ВЛГУ, 2024. Т. 40. 311 с.

Элбакян Е. С., Кравчук В. В. Отношение студенческой молодежи к экстремизму и его профилактике в системе высшего образования // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 2. С. 174–193.

References

Arinin E. I. Veruyushchii [Believer] *Entsiklopedicheskii slovar' sotsiologii religii* [Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion]. St. Peresburg: Platonic Philosophical Society, 2017, pp. 47–49 (in Russian).

Arinin E. I., Markova N. M., Martirosyan V. S. Fenomen religioznosti pisatelya v kontekste komplaensa i mezhkul'turnoi kommunikatsii (filosofsko-religiovedcheskii podkhod) [The Phenomenon of a Writer's Religiosity in the Context of Compliance and Intercultural Communication (Philosophical and Religious Studies Approach)] *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. 2024, vol. 8, no 2, pp. 111–135 (in Russian).

Arinin E. I., Petrosyan D. I. Osobennosti religioznosti studentov [Peculiarities of students' religiosity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2016, no. 6, pp. 71–77 (in Russian).

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Tipografiya T. Ris, 1866, pt. 4, 680 p. (in Russian).

Elbakyan E. S., Kravchuk V. V. Otnoshenie studencheskoi molodezhi k ehkstreemizmu i ego profilaktike v sisteme vysshego obrazovaniya [The attitude of student youth to extremism and its prevention in the system of higher education]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no. 2, pp. 174–193 (in Russian).

Erusalimskii K. Yu. Grecheskaya “vera”, turetskaya “pravda”, russkoe “tsarstvo”...: eshche raz ob Ivane Peresvetove i ego proekte reform [Greek “faith”, Turkish “truth”, Russian “kingdom”...: once again about Ivan Peresvetov and his reform project] *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki. Literaturovedenie i fol'kloristika* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philological Sciences. Literary Studies and Folklore Studies]. 2011, no. 7, pp. 87–104 (in Russian)

Fenomen “komplaens”: religiya, nauka i vyzovy sovremennosti: sb. stat. [The Phenomenon of Compliance: Religion, Science and the Challenges of Modernity]. Vladimir: Vladimir State University Publ., 2024, vol. 40, 311 p. (in Russian)

Ivanov A. I. *Sotsiologicheskii analiz religioznosti v trudovom kollektive i zadachi ateisticheskogo vospitaniya. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk* [Sociological analysis of religiosity in the work collective and the tasks of atheist. ic education. PhD Abstract of Thesis in Philosophy] Moscow: Moscow, 1988, 23 p. (in Russian)

Novye tserkvi, starye veruyushchie — starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v postsovetskoi Rossii [New Churches, Old Believers — Old Churches, New Believers. Religion in Post-Soviet Russia]. Moscow; St. Petersburg: Letnii sad, 2007, 247 p. (in Russian)

Opros: rossiyanе razocharovalis' v magii, gipnoze i gadaniyah [Survey: Russians are disillusioned with magic, hypnosis and fortune telling]. URL: <https://golnk.ru/E8K7d> (accessed August 13, 2025) (in Russian)

Prutskova E. V. *Religioznaya sotsializatsiya: svyaz' religioznosti s normami i tsennostyami* [Religious socialization: the relationship between religiosity and norms and values] Moskva: St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 2024, 256 p. (in Russian)

Religiya kak predmet sravnitel'nogo izucheniya: Lektsii prof. Maksa Myullera. [Religion as a Subject of Comparative Study: Lectures by Prof. Max Müller]. Xar'kov: Izd. perevodchika, 1887, 143 p. (In Russian).

Sokolova A. *96% rossiyan zhelayut vladet' magiei, kak Garri Potter* [96% of Russians want to have magic like Harry Potter]. URL: <https://clck.ru/3RbdZW> (accessed August 13, 2025) (in Russian)

Статья поступила в редакцию: 25.07.2025

Принята к публикации: 21.09.2025

Дата публикации: 31.03.2026